

Писатель, трибун

Всемирный Совет Мира призвал всех демократов широко отметить столетие со дня рождения Виктора Гюго, так же как и даты, связанные с именами Гоголя, Леонардо да Винчи, Авиценны, чтобы содействовать тем самым культурному сближению народов, как важнейшему элементу борьбы за предотвращение новой мировой войны.

Великий писатель и патриот, Виктор Гюго отдал все свои силы борьбе за Францию, за свой народ, за мир, за демократию. Уже одного этого достаточно, чтобы понять, почему силы реакции ненавидели и ненавидят Виктора Гюго. Сам он писал в 1851 году: «За то, что я неизменно боролся за торжество идей свободы, справедливости, человечности, цивилизации... за то, что я неизменно выступал против всех и всяческих проявлений идей произвола, деспотизма, анархии, лжи, варварства, угнетения, буржуазия смотрит на меня как на чудовище... Бедная буржуазия! Это единственно потому, что она боится за свою монету в сто су!».

Злобную кампанию клеветы и поношений против Виктора Гюго вели Монталамбер, друзья палача Коммуны Тьера и фашист Моррас — предатели вчерашние и предатели сегодняшние. Во время гитлеровской оккупации Франции произведения Гюго были официально запрещены. И ничего нет удивительного в том, что сегодня «Литературный Фигаро», еженедельное литературное приложение к газете «Фигаро», услужливо предоставляющей свои страницы для бывших гитлеровских генералов, замечает презрительно по поводу празднования столетия со дня рождения Виктора Гюго: «Теперь-то гюговцы натешатся властью»... И, само собой разумеется, французские правители даже палец о палец не ударили, чтобы отметить годовщину того, о ком Максим Горький писал, обращаясь к Франции: «Твой сын Гюго — один из крупнейших алмазов венца твоей славы»...

Как могут правящие касты, предающие

Францию, признать своим того, девизом которого было: «Счастливейший человек, великая нация, свободный гражданин...» и который в предисловии к «Лукреции Борджиа» писал: «Театр — это трибуна. Театр — это кафедра. Драма имеет миссию национальную, миссию социальную, миссию гуманную. И у поэта есть большие заботы...»

Буржуазия отреклась от великого прошлого Франции, в том числе от ее богатого культурного наследия, которое может спасти и обогатить лишь пролетариат.

Миссия национальная, миссия социальная, миссия гуманная... Слова великого поэта указывали на необходимость, — даже если сам он чувствовал эту необходимость весьма смутно, — восстановления всех французских ценностей, они настоятельно требовали, — и это требование является требованием самой истории, — передачи всего того, что составляет красоту, величие и богатство Франции, в новые, крепкие и надежные руки... На восьмом съезде Французской коммунистической партии в январе 1936 года Морис Торез говорил: «Мы являемся наследниками великого прошлого, история которого состоит из вековой борьбы нашего народа за свое освобождение. Лишь классы, обреченные самой историей, отреклись от отечества. Мы являемся и мы останемся интернационалистами... Но разве это причина для того, чтобы подавлять в себе любовь к нашей прекрасной стране, чтобы отказаться от нашей разумной и глубокой преданности многовековому прошлому борьбы, страданий и славы...».

«Мое имя принадлежит всякому, кто захочет использовать его для торжества прогресса и истины», — писал великий поэт в 1867 году. А спустя шестьдесят восемь лет Вайян-Кутюрье заявил: «Да, с Гюго». С Гюго, неизменно принимающим участие во всех великих битвах нашего народа. С Гюго, оклеветанным и ненавидимым, проклятым реакционерами,

предателями и гитлеровцами. С Гюго, писавшим в связи с выпуском одного из фальсифицированных и изуродованных изданий его произведений: «Пусть не отчаиваются патриоты, отстаивающие свободу, и отважные народы, которым силой хотят навязать безразличность... Что бы ни делали те, кто господствует у себя с помощью насилия и у чужих с помощью угроз, что бы ни предпринимали те, кто видит в себе господ над народами и кто является лишь тиранами над умами, человек, борющийся за справедливость и истину, всегда найдет средства выполнить свой долг до конца».

Всесилие зла всегда приводило лишь к бесполезным усилиям. Мысль всегда ускользает от того, кто пытается задушить ее. Она неуловима для подавления, она переходит из одной формы в другую. Факел пылает; если его погасят и погрузят во мрак, факел становится голосом, а слово погрузить во тьму невозможно; если рот говорящего заткнут тряпкой, слово переходит в свет, а свету закрыть рот нельзя...».

Виктор Гюго любил мир и боролся за него. Он председательствует на первом международном съезде, посвященном борьбе за мир, состоявшемся в Париже в августе 1849 года. Он клеймит позором гонку вооружений, он выступает провозвестником мирного разрешения вопросов путем переговоров, которое должно заменить войну. На втором съезде, собравшемся через двадцать лет в Лозанне, он заявляет: «Мы желаем, чтобы у нас были школы, которые воспитывали бы граждан и не было бы больше принцев, производящих пушки», и еще: «Первое условие для мира — это освобождение...» — слова, неизменно полные значения для французских патриотов, борющихся за национальную независимость своей страны, против того, чтобы Франция превратилась в кладбище.

Призывая к борьбе против глшатаяев войны, Виктор Гюго писал, что «обновленное, лучшее человечество не будет

знать войны. Пусть все усилия наших воспитателей будут направлены к этой цели: сделать человечество лучшим».

Виктор Гюго страстно любил свою страну и с уважением относился к другим странам. Его патриотизм органически сочетался с интернационализмом.

Когда палач Меттерних воскликнул: «Италия — это лишь географическое понятие», Гюго ответил ему следующими словами: «Все народы действительно существуют, даже наиболее отрицаемые».

Во время осады Парижа он разоблачает несправедливый характер агрессивной войны, которую вела Пруссия против Франции после разгрома Наполеона III. Он бичует американские правящие круги, которые своей бездеятельностью на деле покровительствовали агрессору. Он призывает к всеобщему ополчению пламенными словами, которые перепечатала во время гитлеровской оккупации подпольная газета «Юманите» и которые цитировал в своих выступлениях Морис Торез.

А вот пламенные строфы, прозвучавшие подобно пушечному выстрелу во время Парижского восстания:

У вас оружия не стало?
Берите вилы, молотки,
Собирайте камни в одеяло,
Ломайте у дверей крюки!
И будьте, гимн сложив Надежде,
Великой Францией, как прежде,
Великим городом опять!
Пора, от ярости сгорая,
Сорвать оковы рабства с края
И с памяти презренье снять!..

В одной из своих поэм, написанной в начале 40-х годов прошлого столетия, Виктор Гюго показывает всю ложь провозглашенной в США «демократии» и бичует эту «контру торговлей», эту землю, «холодную и бездушную».

Теперь вполне понятно, почему французское правительство не отмечает столетие со дня рождения Виктора Гюго и предпочитает видеть на месте бронзовой статуи этого гиганта французской литературы, установленной некогда на одной из площадей Парижа и увезенной гитлеровцами и с той поры не восстановлен-

ной, автомобиль «Форд» — символ американского космополитизма...

В то время, когда французская буржуазия призывала к захвату колоний, Гюго разоблачал колониальные войны и боролся против расизма.

25 ноября 1861 года к нему приезжает журналист, чтобы узнать его мнение о разграблении в Пекине Летнего дворца англо-американскими интервенционистскими войсками. Он отвечает: «Бывают иногда правительства-бандиты, народы же — никогда. Французская империя прикарманила половину этой победы и выставляет сегодня, как свою собственность, великолепный хлам Летнего дворца. Я надеюсь, что придет время, когда свободная и очищенная Франция вернет эту добычу ограбленному Китаю...».

Он приветствует солдат Хуареса, защищающих свою страну в грабительской колониальной войне, начатой Наполеоном III: Сражайтесь, боритесь, будьте беспопадны... Спротивляйтесь, мужественные защитники Мексики.

Так сегодня, как и вчера, Виктор Гюго — вместе с французским народом, выражающим свою солидарность с колониальными народами в их борьбе за независимость.

Конечно, Виктор Гюго не понял подлинной природы общественного развития. Он не понял рабочего восстания в июне 1848 года. Связанный более или менее тесно с утопистами, от сторонников Фурье до Пьера Леру, Виктор Гюго, тем более, не понял Парижской Коммуны. Естественно, Маркс и Энгельс решительно критиковали многие взгляды Виктора Гюго — политического деятеля. Может быть, и он сам чувствовал свои ошибки, когда в предисловии к книге од и баллад писал об «этой суровой борьбе с предрассудками, впитанными с молоком матери, в этом медленном и тяжелом отделении истинного от ложного...». Но остается несомненным, что, несмотря на свои недостатки и слабости, Гюго выступает как певец народных масс, их права на свободу и счастье, как великий борец против узурпаторов. Речь, произнесенная Виктором Гюго век тому назад, и сейчас звучит актуально: «Сокращайте, сколько

вам угодно, список избирателей, вычеркивайте миллионами имена наших граждан, лишайте французов политического равенства, все это в вашей власти, в ваших руках; но вы никогда не сумеете искоренить той антипатии, какую вы внушаете всему нашему народу, никогда не сумеете изгладить из памяти людей те фатальные ошибки, коими так богато ваше правление. Не вам остановить ход истории, не вам изменить час, который уже пробил, не вам остановить движение земли, не вам сопротивляться росту демократических идей! Пропасть между демократией и вами все растет и растет, вы все удаляетесь от века цивилизации и прогресса, скоро мы навсегда с вами распрощаемся».

В августе 1872 года Гюго, который не в силах был вынести версальской реакции, едет в добровольную ссылку. «Я уезжаю, я не могу больше видеть это», — писал он.

Возвратившись во Францию, он внес в сенат проект закона об амнистии коммунарам. За его предложение голосовали только девять сенаторов.

В «Легенде веков» он воспевает когорты героев свободы, убитых во время государственного переворота 2 декабря, повешенных на австрийских виселицах, жертвы террора в Италии, ссыльных в Сибири и коммунаров, умирающих медленной смертью в Кайенне, в Ламбессе.

Гюго, поэт французского народа, дал своему народу и другие стихи, полные оптимизма, которыми заканчивает свою книгу «Сын народа» Морис Торез:

Туда, где свет наук сияет величаво,
К концу всех язв земных, к забвенью
распрей всех,
К обилью, радости, туда, где счастья
смеет,
Плывет корабль, увенчан славой...

Виктор Гюго широко известен за пределами границ Франции. Столетье со дня рождения Виктора Гюго широко отмечает все прогрессивное человечество и в первую очередь великий советский народ, наследник мировой сокровищницы культуры, где одно из самых почетных мест занимает и творчество Виктора Гюго.

Жан КУЭН.